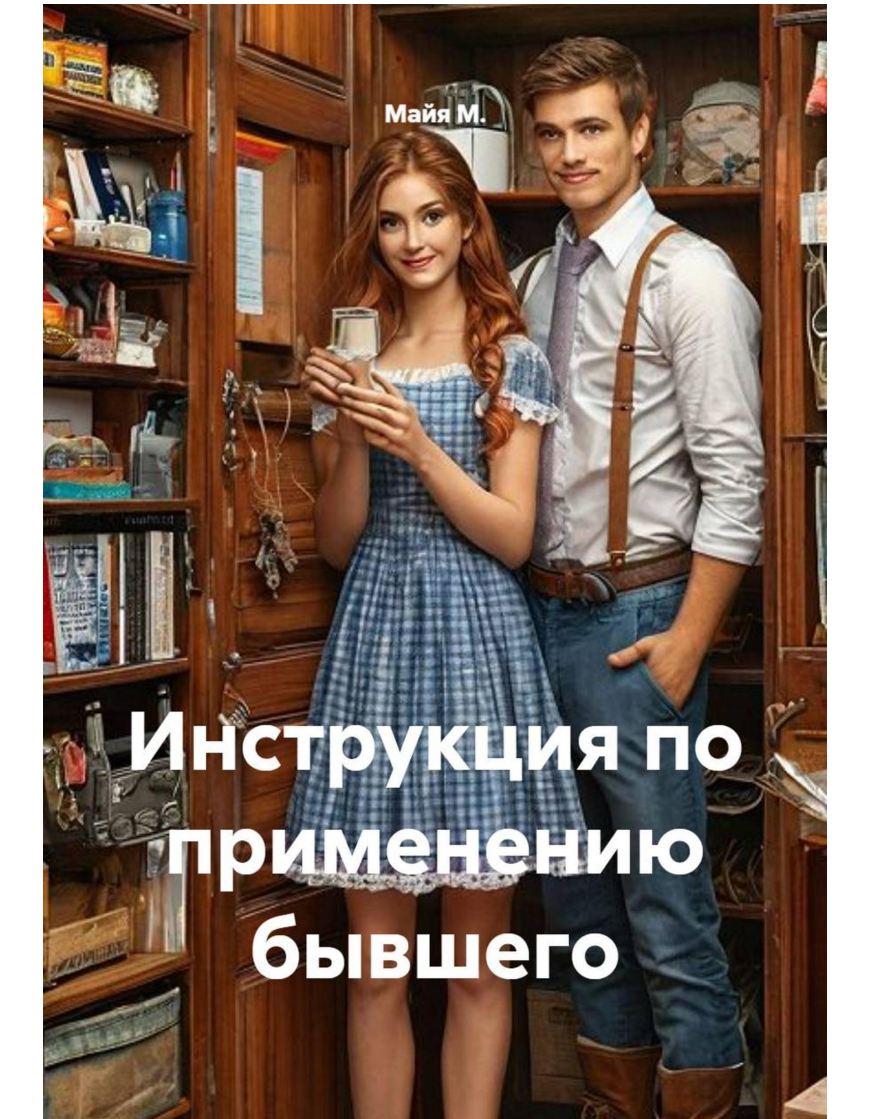


A young man and woman are standing inside a large, open wooden cabinet filled with various household items. The woman, on the left, has long, wavy red hair and is wearing a blue and white checkered dress with a white lace collar and hem. She is holding a small, clear rectangular object in her hands. The man, on the right, has short brown hair and is wearing a white button-down shirt, a purple tie, blue jeans, brown suspenders, and brown boots. He has his left hand in his pocket. The cabinet shelves are cluttered with items like books, a blue thermos, a white coffee maker, and various small objects. The text 'Майя М.' is visible above the woman's head.

Майя М.

Инструкция по применению бывшего

Майя М.

Инструкция по применению бывшего

<https://litres.ru/74405053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девушка Алиса находит в шкафу коробку с вещами бывших. Потерев кружку, носок и ключи, она возвращает троих экс-парней из прошлого на сутки. Но те не исчезают: им нужно выполнить таинственное условие из расширенной инструкции. Вместе они проходят испытания, мирятся, раскрывают сердца и понимают: идеал — не один человек, а люди, принимающие друг друга. Комедия о том, как прошлое помогает построить настоящее.

Содержание

Глава 1. Коробка с привидениями и руководство к действию	4
Глава 2. Инструкция по применению бывшего: первые пункты	22
Глава 3. Испытание первое: Кухня как поле битвы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Майя М.

Инструкция по применению бывшего

Глава 1. Коробка с привидениями и руководство к действию

Утро началось не с кофе. Оно началось с маминого голоса в телефонной трубке, который, казалось, был способен пробить не только чугунную сковороду, но и любые попытки Алисы притвориться спящей. Мама звонила с завидной регулярностью швейцарских часов и с той же неумолимостью сообщала, что Алиса «закапывает свой талант в землю», «тратит лучшие годы на какую-то ерунду» и «никогда не найдет себе нормального мужчину, потому что в ее шкафу, наверное, уже мыши завелись от холостяцкого духа».

— Мам, у меня нет мышей, — пробормотала Алиса, пытаясь нашарить на тумбочке хотя бы один носок. Носок не находился. Как и весь остальной порядок в квартире. — У меня, кажется, есть немного творческого беспорядка.

— Творческий беспорядок, — с непередаваемой интонацией повторила мама. — Это когда на столе лежат кисти и

краски, Алиса, а не когда из-под дивана выглядывает засохшая пицца. Ты хоть помнишь, какого она числа?

Алиса честно попыталась вспомнить. В голове, как в старом жестком диске, что-то щелкнуло, зажужжало и не выдало никакой информации. Пицца была настолько же загадочной, как и местонахождение ее второго носка.

— Это была диетическая пицца, — соврала Алиса. — На цветной капусте.

— На цветной капусте твоей бабушки, — отрезала мама. — В общем, так. Я записала тебя на маникюр в четверг. И не вздумай отменить. А то так и будешь сидеть со своим ремонтом в стиле «депрессивный лофт» и рисовать свои комиксы про то, как всех ненавидишь.

— Я не всех ненавижу, — возразила Алиса, сбрасывая одеяло. — Я люблю своего кота. И тебя. Иногда.

— Кот не считается, он у тебя тоже холостой и с плохим характером. Все, мне некогда. Займись уже своей жизнью, Алиса. И уберись в квартире. Хотя бы в шкафу.

В трубке раздались короткие гудки, оставив Алису наедине с собой, с горьким привкусом недосказанности и с полным осознанием того, что мама, как всегда, попала в самую уязвимую точку. Шкаф действительно был отдельной вселенной, в которую Алиса боялась заглядывать не меньше, чем в собственную трудовую книжку. Там, за фасадом из дешевого ламинированного шпона, скрывались не просто вещи, а целые археологические пласты. Свитер, который она

купила в порыве «начать новую жизнь» и ни разу не надела, был присыпан крошками от печенья. Рядом покоилась шляпа, купленная под влиянием какого-то французского фильма. А на самом дне, словно захоронения древних цивилизаций, лежали коробки. Много коробок.

Кот по кличке Шницель — существо рыжее, наглое и абсолютно лишенное чувства вины — смерил Алису презрительным взглядом с подоконника. Он считал, что уборка — это занятие для плебеев, в то время как истинные короли (то есть он) должны созерцать голубей за окном и делать вид, что голодны даже после только что съеденной порции дорогого корма.

— Ненавижу тебя, — ласково сказала Алиса коту. — Ты хотя бы мышей ловишь? Нет? Вот и мама говорит, что ты бесполезный.

Шницель зевнул, демонстрируя розовую пасть и полное отсутствие комплексов. Алиса вздохнула и, поддавшись внезапному порыву саморазрушения, решительно направилась к шкафу. Если мама считает, что там мыши, пусть хотя бы им будет стыдно за этот хаос.

Она распахнула дверцы. На нее с мягким шорохом вывалился сначала один пакет из супермаркета, набитый какими-то чеками, затем — вязаная жилетка, призрак бабушкиной эпохи, и, наконец, торжественно, как занавес в старом театре, сползло стеганое одеяло. Алиса отшатнулась. Шницель, почувствовав запах пыли, громогласно чихнул и де-

монстративно отвернулся.

Пришлось вытаскивать все. На пол шлепались горы журналов, одинокий сапог от пары, которую она давно выбросила, коробка из-под обуви с какими-то гвоздями, шарфы, перчатки (разумеется, все от разных пар), и целая коллекция пакетов с пакетами. Алиса чихала, ругалась сквозь зубы и чувствовала, как внутри закипает праведный гнев, направленный одновременно и на маму, и на весь этот хлам, и на собственную неспособность жить как нормальные люди.

И вот, когда пол в спальне стал напоминать разгром после визита особо рьяных налоговых инспекторов, в самом дальнем и темном углу шкафа, за старыми обоями и коробкой с елочными игрушками, она нащупала нечто твердое и пыльное. Это была коробка. Но не простая. В отличие от всех остальных — мятых, заклеенных скотчем, с надписями «на дачу» или просто безымянных — эта была обтянута выцветшим бархатом темно-бордового цвета. На крышке, сделанной из какого-то тяжелого картона, золотой краской был вытеснен непонятный вензель, переплетенный с изображением то ли цветка, то ли взорвавшейся звезды. Выглядела она настолько инородно среди этого хаоса, что Алиса на секунду решила, будто это кто-то подбросил. Но когда? И кто?

Она вытащила коробку на свет. Та оказалась неожиданно тяжелой для своих размеров. Шницель, до этого демонстративно игнорировавший процесс уборки, вдруг поднял голову, принялся и с неожиданным интересом спрыгнул с под-

оконника. Он подошел, потерялся о ногу Алисы и требовательно мяукнул, уставившись на коробку своими янтарными глазами.

— Отстань, — пробормотала Алиса, чувствуя странное волнение. — Это не еда. Наверное, бабушкино что-то.

Она села прямо на пол, поджав ноги, и осторожно приподняла крышку. Внутри пахло стариной, сушеными цветами и чем-то еще — неуловимым, напоминающим смесь корицы и озона после грозы. Внутри, аккуратно разложенные по небольшим отсекам, лежали предметы. На первый взгляд — совершенно обычные, но от этого становилось еще более жутко.

Первым, что она увидела, была кружка. Обычная фаянсовая кружка с ободком, из которой любил пить чай... Дима. Ну конечно. Дима. Ее бывший с третьего курса. Кружка с логотипом какого-то технического форума, которую он забыл у нее после их последней, самой громкой ссоры. Алиса и забыла, что она до сих пор существует, не то что находится в какой-то таинственной коробке.

Рядом лежал одинокий носок. Черный, с серым мыском и немного вытянутой резинкой. Это был носок Сергея. Несчастный носок, который пережил многое. Именно его Алиса в порыве ярости зашвырнула за стиральную машину, когда Сергей сообщил ей, что «ему нужно больше пространства для личностного роста». Пространство, как выяснилось позже, звали Карина и оно работало фитнес-тренером. Но-

сок же символизировал все невысказанное, что Алиса копила годами. И вот он, чистенький, лежит на бархатной подложке, как экспонат в музее.

Дальше — связка ключей. Брелок в виде маленькой Эйфелевой башни. Это ключи Ильи. Илюша. Тот самый, который был «не готов к серьезным отношениям», но при этом всегда готов пожить у Алисы недельку-другую, потому что у него «сложный период с арендой». Забытые вторые ключи от ее собственной квартиры. Алиса поморщилась.

В коробке были и другие мелочи: зажигалка без газа, половина магнитика с холодильника, визитка какого-то барбера, помятый билет в кино на фильм, который Алиса ненавидела, но согласилась посмотреть «ради него». Тут были не просто вещи. Это была коллекция ее неудач, заботливо собранная и упакованная. Но кем?

Алиса вытряхнула все содержимое на пол, надеясь найти хоть какую-то записку или намек на происхождение этой странной коробки. На дне, на куске плотной бумаги, пожелтевшей от времени, красивым каллиграфическим почерком было написано:

«Согласно инструкции по применению предметов памяти. Каждый предмет, троекратно натертый кончиком пальца против часовой стрелки, возвращает владельца на срок в двадцать четыре часа. Просьба не использовать одновременно более трех предметов во избежание наложения реальностей и бытового коллапса».

Сначала Алиса рассмеялась. Громко, заливисто, словно слышала лучшую шутку за последние годы. Это была, несомненно, чья-то идиотская шутка. Возможно, мама подсунула? Нет, мама не способна на такой изощренный юмор. Может, это её бывшая соседка, та, что увлекалась эзотерикой и картами Таро? Уезжая, она вполне могла оставить такое «наследство».

Алиса отбросила записку и посмотрела на кружку. Дима. Дима был неплох. Высокий, с вечно взлохмаченными волосами и маниакальной любовью к порядку. Он мог часами полировать кухонный смеситель и читать лекции о том, что специи должны стоять по алфавиту. Они расстались, потому что Алиса, по его словам, «слишком творческая натура» для его «системного подхода». Проще говоря, она бросила в него тубиком с краской, когда он в очередной раз переставил ее кисти.

Алиса покрутила кружку в руках. Смехотворная инструкция не выходила из головы. А что, если?.. Это же просто глупость. Фантастика. Но что-то внутри, какая-то детская вера в чудо, заставила ее протянуть указательный палец и, чувствуя себя последней дурой, трижды провести им по ободку кружки против часовой стрелки.

Ничего не произошло. Абсолютно ничего. Шницель укоризненно посмотрел на хозяйку и принялся вылизывать лапу, всем своим видом показывая, что он думает о людях, которые верят в сказки. Алиса почувствовала себя невероятно

глупо. Разумеется, ничего не произойдет. Потому что чудес не бывает. Бывают только уборки по субботам и одинокие носки.

Она швырнула кружку обратно в коробку и уже собиралась подняться, чтобы выкинуть всю эту «музейную экспозицию» к чертям, как вдруг... В воздухе что-то изменилось. Запахло озоном, как перед сильной грозой. Шницель, вздыбив шерсть, с диким воплем сиганул под диван. Свет в комнате мигнул, как это бывает в дешевых фильмах ужасов, и на секунду Алисе показалось, что она видит помехи, как на старом экране телевизора.

А потом из ниоткуда, прямо из центра комнаты, раздался голос. Знакомый до боли, с легкими менторскими нотками:

— Алиса, ты опять развела свинарник? Я же просил тебя убирать вещи по местам! У каждого предмета есть свое место!

Алиса замерла. Она боялась повернуться. Сердце ухнуло куда-то в пятки, а затем, совершив кульбит, застряло в горле. Потому что этот голос. Этот чертов занудный голос принадлежал Диме. Ее бывшему парню, с которым она не разговаривала уже три года и который, по слухам, переехал в другой город.

Она медленно, словно в кошмарном сне, обернулась.

Посреди ее спальни, среди развала вещей, в джинсах, свитере и с идеально чистыми волосами, стоял Дмитрий. Собственной персоной. Он стоял так, словно вышел на минуту

в соседнюю комнату, а не материализовался из небытия. В руке он держал какую-то коробку из-под хлопьев, который, видимо, только что подобрал с пола, и смотрел на Алису с выражением крайнего неодобрения.

— Что? — только и смогла выдать Алиса, чувствуя, что ее мозг отказывается обрабатывать происходящее. — Что ты... Ты... Откуда?

— С работы, — спокойно ответил Дима, оглядываясь по сторонам. — Боже, Алиса, у тебя что, бомба взорвалась? Я не успел уехать на конференцию, пришлось остаться, а тут такое. Ты не заболела? Выглядишь бледной.

— С работы? — Алиса почувствовала, что у нее начинают трястись руки. — Дима, насчет твоей конференции... Ты серьезно не понимаешь, что происходит? Ты как здесь оказался? Ты же в Новосибирске!

— В Новосибирске? — Дима нахмурился, отставил коробку и достал из кармана телефон. — Алиса, какое Новосибирское? У нас сегодня вторник, я должен был пойти на встречу с инвесторами, но все отменилось. Я решил зайти, потому что ты не отвечала на звонки. И, как вижу, не зря. Что за погром?

Алиса судорожно сглотнула и подползла к коробке. Записка. Та самая записка. Она прочитала ее еще раз. «Возвращает владельца на срок в двадцать четыре часа». Двадцать четыре часа. Сердце бешено застучало.

— Дима, — медленно произнесла она, не сводя глаз с его

удивленного лица. — Какой сегодня год?

Дима посмотрел на нее как на сумасшедшую.

— Алиса, может, тебе прилечь? Ты перегрелась со своими красками. Год, разумеется, две тысячи двадцать первый.

Две тысячи двадцать первый. Все верно. Для него — да. Именно тогда они расстались. Но для Алисы на дворе был две тысячи двадцать пятый. Четыре года разницы. Четыре года, стертые одним касанием пальца к старой кружке.

Алиса растерянно посмотрела на кружку, затем на Диму. Шницель, все еще сидя под диваном, издавал низкое утробное урчание, которое не сулило ничего хорошего.

— Так, — Алиса попыталась взять себя в руки. Паника поднималась из глубины живота. — Так, стоп. Мне нужно... Это сон. Я сплю.

Она ущипнула себя за руку. Стало больно. Очень больно. Дима тем временем подошел к окну и поправил штору, которую криво повесила Алиса.

— Тебе нужно научиться дисциплине, Алиса, — говорил он, не оборачиваясь. — Посмотри, у тебя даже шторы висят неровно. Как можно жить в таком хаосе? Вот если бы ты просто следовала плану, то у тебя было бы все по-другому. Работа, порядок, отношения.

— Мы расстались, Дима! — выпалила Алиса, вскочив на ноги. — Мы расстались четыре года назад! Ты уехал! Ты женился, кажется, на какой-то девице из банка!

Дима резко обернулся. В его глазах мелькнуло непонима-

ние, смешанное с раздражением.

— Что за чушь ты несешь? Мы вчера разговаривали по телефону, я звал тебя на выставку современного искусства, а ты сказала, что лучше посидишь дома и порисуешь. Алиса, это не смешно.

Он снова уткнулся в телефон, но экран вел себя странно — вместо привычной заставки там был лишь белый шум. Дима постучал по нему пальцем.

— Алиса, твой вай-фай опять сломался? Почему у меня сеть не грузится?

— Потому что ты призрак! — не выдержала Алиса. — Ты... ты материализовался из кружки! Ты нереален!

Дима замер. Он медленно положил телефон в карман, скрестил руки на груди и посмотрел на Алису взглядом, которым обычно смотрят на буйных пациентов.

— Я не материализовался из кружки, — сказал он тоном учителя, объясняющего первоклашке таблицу умножения. — Я пришел пешком. От метро. И, честно говоря, я начинаю за тебя беспокоиться. Может, вызовем врача?

Алиса истерически рассмеялась. Врач. Ей сейчас нужен был не врач, а экзорцист. Или инструкция, как запихнуть этого зануду обратно в его фаянсовую тюрьму.

Она схватила записку и стала лихорадочно перечитывать. Никаких инструкций по возврату. Только двадцать четыре часа. Значит, он просто исчезнет? Растворится, как утренний туман? Или будет бродить по квартире, критикуя ее вкус

в интерьере?

— Ладно, Дима, — сказала Алиса, пытаясь успокоиться. Глубокий вдох. Выдох. — Скажи мне, что ты помнишь про последние новости? Что-нибудь про выборы? Про новые фильмы?

Дима нахмурился.

— Алиса, какие выборы? Ты меня пугаешь. Я помню, что мы собирались на выходных съездить к твоим родителям, если ты не передумаешь. И что тебе нужно доделать обложку для издательства. Это очень важный заказ, между прочим.

Алиса покачала головой. Бесполезно. Он застрял в своей реальности, как муха в янтаре. И эта реальность была до зубовного скрежета правильной и предсказуемой.

Внезапно взгляд Алисы упал на коробку. Точнее, на носок Сергея, который выглядывал из своего бархатного гнезда. В голове молнией пронеслась мысль, от которой ей стало одновременно и страшно, и... интересно. Если это работает с Димой, то, значит, и с остальными тоже? Носок Сергея. Ключи Ильи.

Дима продолжал что-то говорить — о вреде беспорядка, о важности графика, о том, что нужно сменить лампочку в коридоре. Его голос действовал на нервы, как звук капающей воды.

Алиса, не отдавая себе отчета, схватила носок Сергея. Тот самый черный носок с серым мыском. Дима замолчал на полуслове, увидев это.

— Что это? — спросил он безразлично. — Чей это носок?

— Заткнись, Дима, — прошептала Алиса, и, прежде чем она успела подумать о последствиях, ее палец уже описал три круга против часовой стрелки по мягкой ткани носка.

Воздух снова сгустился. Снова запахло озоном. Шницель, который уже было высунул нос из-под дивана, с воем нырнул обратно. Свет мигнул, по стенам заметались тени, а затем посреди комнаты, прямо на кучу Алисиных вещей, материализовался второй персонаж.

Это был Сергей. В спортивных штанах, футболке с логотипом фитнес-клуба и с бутылкой протеинового коктейля в руке. Он был точно таким же, каким Алиса его запомнила: накачанный, с легкой небритостью, от которой у нее когда-то подкашивались ноги, и с выражением лица человека, который только что выиграл в лотерею.

— Привет, крошка! — воскликнул он, широко улыбаясь. — Скучала?

Дима, увидев Сергея, побледнел. Его лицо вытянулось.

— Это еще кто? — спросил он ледяным тоном.

Сергей, наконец, заметил Диму. Его улыбка стала шире, но глаза опасно сузились.

— А ты кто такой, очкарик? — поинтересовался он. — Алиса, это кто?

Алиса стояла посреди комнаты, сжимая в одной руке кружку, в другой — носок, и понимала, что только что совершила грандиозную, чудовищную ошибку. Потому что вме-

сто решения проблемы она создала две. И, судя по всему, это было только начало.

— Это Дмитрий, — слабым голосом произнесла Алиса, чувствуя, как пол уходит из-под ног. — Мой... бывший.

— Бывший? — переспросил Сергей, поигрывая мускулами. — А я тогда кто?

— Ты тоже... бывший, — призналась Алиса. — И вы оба, судя по всему, только что вернулись из прошлого.

В комнате повисла звенящая тишина. Дима скрестил руки на груди и смотрел на Сергея так, словно перед ним был редкий и неприятный вид таракана. Сергей, в свою очередь, прищурился, оценивая соперника, и сделал глоток из своего коктейля.

— Это что за хрень, Алиса? — наконец спросил Дима. — Ты вызвала меня и этого... спортсмена, чтобы что? Померяться? Устроить шоу?

— Я не собиралась! — взмолилась Алиса. — Это все коробка! Я просто потеряла кружку, а потом носок, и вы появились. Я не знаю, как это работает!

— Коробка? — Сергей нагнулся и заглянул внутрь. — О, гляди, а тут еще ключики. С брелком. Это чьи?

Он потянулся к связке ключей Ильи. Алиса среагировала молниеносно. Она бросилась к коробке, выхватила ключи и прижала их к груди.

— Не трогай! — закричала она. — Даже не думай!

Сергей развел руками, изображая невинность. Дима по-

качал головой.

— Алиса, у тебя всегда была страсть к коллекционированию бесполезного хлама, — заметил он. — Но чтобы коллекционировать бывших... это уже перебор.

— Заткнись, Дима! — рявкнула Алиса. — Ты понятия не имеешь, что здесь происходит!

— Зато он прав в одном, — вставил Сергей, — этот хлам действительно бесполезный. Носок, кружка... Алиса, у тебя что, совсем никого не было после нас? Хотя бы что-то посерьезнее?

Алиса почувствовала, как краска заливает лицо. Это уже слишком. Мало того, что она случайно воскресила двух призраков своего прошлого, так они еще и начали соревноваться в остроумии.

Она крепко сжала ключи Ильи в руке. Если что, можно будет помахать ими как оружием. Хотя, судя по всему, эти двое сейчас просто уничтожат друг друга морально.

— Слушайте, — произнесла Алиса, пытаюсь собрать остатки самообладания, — давайте успокоимся. Скорее всего, вы исчезнете через двадцать четыре часа. Вот, написано в инструкции. А до этого прошу вас вести себя тихо и не разрушать мою квартиру.

— Твою квартиру? — хмыкнул Сергей, оглядываясь. — Алиса, да у тебя тут и так разруха. Нужна генеральная уборка. И новая мебель. И ремонт.

— Это не твое дело! — отрезала Алиса.

— Значит, так, — вмешался Дима, поправив очки, — я предлагаю составить график. Мы разделим обязанности по уборке на троих. Я возьму на себя организацию пространства. Сергей... — он смерил его взглядом, — пусть вынесет тяжелое. А ты, Алиса, будешь нам помогать и, возможно, приготовишь что-нибудь поесть.

— Гениальный план, профессор, — съязвил Сергей. — Только есть одна проблема: я не собираюсь никому подчиняться. Я пришел сюда не за тем, чтобы убирать.

— А зачем ты пришел? — спросил Дима.

— Я, в отличие от тебя, пришел к любимой женщине, — ответил Сергей, подмигнув Алисе. — Чтобы продолжить то, на чем мы остановились.

Алиса поперхнулась воздухом. Она сделала шаг назад, ощущая, как между этими двумя нарастает напряжение, способное разрушить не только квартиру, но и пару соседних.

И тут ее взгляд упал на связку ключей. Илья. Третий. Самый спокойный, самый нежный, но самый ненадежный. Если эти двое уже создали такой цирк, то что будет, если вернется еще и он?

Она с ужасом посмотрела на коробку. На бархатную подкладку, на которой остались лежать зажигалка, магнитик и визитка. Боже, сколько же у нее было этих бывших? И, главное, где гарантия, что какой-нибудь случайный предмет из этой коллекции не вызовет следующего?

— Значит так, — произнесла Алиса, выпрямляясь и ста-

раясь говорить как можно тверже. — Я не знаю, кто вы такие и почему вы здесь. Но вы оба — взрослые люди. Будьте добры, не убивайте друг друга в течение ближайших двадцати четырех часов. А потом... потом, возможно, мы вместе разберемся, как отправить вас обратно.

Дима и Сергей переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: глубочайшее недоверие и полная решимость доказать другому, кто здесь главный.

— А если я не хочу обратно? — спросил Дима. — Мне, в принципе, тут интересно. Посмотреть, как ты живешь, навести порядок.

— А я вообще не хочу никуда уходить, — заявил Сергей, облакачиваясь на подоконник. — Мне тут нравится. Кот, правда, какой-то дикий, но это мелочи.

Шницель из-под дивана издал звук, похожий на проклятие на неизвестном языке.

Алиса вздохнула. Это будет самый долгий день в ее жизни. И это только начало.

Она крепче прижала ключи Ильи к груди и подумала о том, что, возможно, третий не будет лишним. Хотя бы для того, чтобы уравновесить этих двух придурков. А может, наоборот — станет последней каплей, которая превратит ее квартиру в филиал ада на земле.

— Ладно, — прошептала она самой себе. — Сначала чай. А потом разберемся.

Она направилась на кухню, чувствуя, как Дима и Сергей,

не сговариваясь, идут за ней. Ей нужно было подумать. Но самое главное — ей нужно было понять, какого черта она чувствует. Страх? Да. Панику? Безусловно. Но вместе с ними, где-то глубоко внутри, зрело опасное, липкое, абсолютно идиотское чувство. Любопытство.

Ведь если можно вернуть этих троих... то, возможно, из них можно собрать одного. Идеального.

Эта мысль мелькнула и исчезла, но оставила после себя долгое, тревожное послевкусие. Алиса открыла шкафчик с чаем и услышала, как в комнате начинается очередная перепалка.

Похоже, следующие двадцать четыре часа будут незабываемыми. И очень, очень шумными.

Глава 2. Инструкция по применению бывшего: первые пункты

Кухня встретила Алису запахом застарелого кофе и видом горы немытой посуды, которая, казалось, тихо, но неумолимо росла, как сталактит в пещере. Шницель, изгнанный из своего укрытия любопытством, прошмыгнул следом и теперь восседал на подоконнике, наблюдая за происходящим с видом скептически настроенного театрального критика. За спиной Алисы, подобно двум противоположным атмосферным фронтам, в кухню втянулись Дима и Сергей. Их присутствие ощущалось физически: от Димы веяло холодной, сухой правильностью, от Сергея — жаркой, самодовольной энергией. Алиса чувствовала себя между молотом и наковальней, причем наковальней была ее собственная разбитая нервная система.

— Итак, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все дрожало. — Давайте обсудим правила. Вы оба здесь находитесь... по ошибке. Я не знаю, как долго продлится это безумие, но двадцать четыре часа мы должны как-то пережить. Поэтому предлагаю заключить перемирие.

Дима, скрестив руки на груди, прислонился к дверному

косяку. Его взгляд скользнул по грязным чашкам, по крошкам на столе, по присохшему кусочку сыра на разделочной доске. Он поморщился так, словно его заставили нюхать нашатырь.

— Перемирие, — повторил он с металлическими нотками. — Прекрасно. Первый пункт: ты немедленно убираешь кухню. Второй: мы садимся и спокойно обсуждаем, что за чертовщина здесь происходит. Третий: я составляю список продуктов, которые нужно купить, потому что есть в этом доме, судя по всему, нечего.

— А четвертый пункт: заткнись, — добавил Сергей, плюхнувшись на табурет. Табурет жалобно скрипнул, приняв на себя его немаленький вес. — Алиса, не слушай этого очкарика. Давай просто закажем пиццу. Или суши. Или что-нибудь нормальное. Я угощаю.

Он полез в карман спортивных штанов, но извлек оттуда лишь помятый протеиновый батончик и какую-то карточку из фитнес-клуба. Его лицо на секунду вытянулось.

— Черт, — пробормотал он, похлопывая себя по карманам. — Где мой бумажник? Наверное, в машине остался. А где моя машина?

Дима издал короткий, презрительный смешок.

— Какая машина, Сергей? Ты вообще понимаешь, что ты не в своем времени? Ты сейчас находишься в реальности, где твоей машины, скорее всего, не существует. И твоего бумажника тоже.

Сергей уставился на него, переваривая информацию. Затем перевел взгляд на Алису.

— Это правда? — спросил он. — Я что, реально в будущем? Типа, как в кино?

— Типа того, — кивнула Алиса, ставя чайник на плиту. — Только кино это не очень хорошее. Скорее, артхаус. С элементами ужаса.

Сергей почесал затылок. Его бицепсы соблазнительно перекатились под футболкой. Алиса мысленно дала себе пощечину. Не время. Совершенно не время.

— А что, в будущем у нас с тобой как? — поинтересовался он, ухмыляясь. — Мы, наверное, уже поженились, да? Ну, или хотя бы снова сошлись? Ты же понимаешь, я тогда погорячился с этой Кариной...

— Стоп, — отрезала Алиса, резко обернувшись. — Я не хочу обсуждать Карину, твой личностный рост, твою нехватку пространства и все остальное. Наша история закончилась, Сергей. Точка. Вы все — мое прошлое. А я пытаюсь жить в настоящем.

— Это у тебя, судя по всему, не очень получается, — вставил Дима, указывая на свисающий с полки рулон бумаги, который предательски размотался и касался пола. — Ты одна, в бардаке, с котом, у которого, кажется, нервный срыв.

Шницель издал звук, который на удивление точно передавал его согласие с последним утверждением. Алиса проигнорировала и Диму, и кота, сосредоточившись на чайнике.

В этот момент кухню наполнил свист закипающей воды. Он звучал так пронзительно и тревожно, что казалось, сейчас вместе с ним взорвется и вся ситуация. Алиса поспешно выключила плиту, заварила себе чай, намеренно не предлагая никому из «гостей». Пусть помучаются. Они все равно не заслужили ее гостеприимства.

— Итак, — произнесла она, обхватив кружку обеими ладонями, словно ища в ней спасение. — В коробке лежали вещи. Кружка Димы. Носок Сергея. Ключи Ильи. И некоторые другие мелочи. Кто-то собрал их и оставил в моем шкафу. В коробке была записка с инструкцией. Если потерять предмет, возвращается его владелец. На сутки.

Дима подошел к столу и, брезгливо отодвинув пустую коробку из-под пиццы, сел напротив. Его лицо было сосредоточенным, как у следователя на допросе.

— Покажи записку, — потребовал он.

Алиса молча вытащила из кармана джинсов помятый листок и протянула ему. Дима взял его двумя пальцами, стараясь не испачкаться, и принялся изучать, шевеля губами.

Сергей тем временем подошел к холодильнику и без спроса открыл его. Внутри обнаружилась одинокая банка с маринованными огурцами, наполовину пустая, упаковка яиц и таинственный сверток, происхождение которого Алиса не могла вспомнить уже несколько недель. Сергей скривился.

— Ты вообще чем питаешься? — спросил он, запуская руку внутрь. — О, гляди, сыр. Он, правда, похож на пласти-

лин, но сойдет.

— Положи на место! — рывкнула Алиса. — Это не твой холодильник!

Сергей поднял руки в примирительном жесте, но сыр не выпустил. Алиса поняла, что битва за холодильник уже проиграна.

— В записке сказано: «Согласно инструкции по применению предметов памяти», — прочитал вслух Дима, сняв очки и протирая их краем свитера. — «Каждый предмет, троекратно натертый кончиком пальца против часовой стрелки, возвращает владельца на срок в двадцать четыре часа. Просьба не использовать одновременно более трех предметов во избежание наложения реальностей и бытового коллапса». Что за бред? Это написано от руки. Кто-то явно потратил время.

— Да какая разница, кто написал! — воскликнула Алиса. — Главное, это работает! Ты стоишь на моей кухне и ноешь из-за бардака, хотя должен был быть в своем... своем идеальном мире, где все разложено по цветам и размеру!

Дима аккуратно положил записку на стол.

— Хорошо, допустим, это правда. Тогда возникает логический вопрос: кто из твоих бывших оставил эту коробку? И зачем?

Сергей, жующий злополучный сыр, поднял бровь.

— А разве это не очевидно? — промычал он с набитым ртом. — Кто-то из нас очень хотел вернуться. Наверное, кто-

то из тех, кого она не успела выкинуть из своей жизни окончательно.

Он многозначительно посмотрел на Алису. Та ощутила, как краска заливает щеки.

— Никто из вас не оставил эту коробку, — возразила она. — Я понятия не имею, откуда она взялась. Может, это мама. Может, соседка-эзотеричка. Может, сам дьявол. Мне все равно. Мне нужно понять, как все это исправить.

— Двадцать четыре часа, — задумчиво произнес Дима, постукивая пальцем по столу. — Это значит, что завтра, примерно в это же время, мы исчезнем. Растворимся. Вернемся в свое время.

— Или в небытие, — добавил Сергей, и его голос впервые прозвучал серьезно. — А если мы здесь застрянем? Что, если мы не сможем вернуться?

В кухне повисла тяжелая пауза. Даже Шницель перестал вылизываться и уставился на Сергея с выражением живейшего ужаса на морде. Алиса представила себе эту картину: Дима и Сергей, живущие у нее вечно. Дима, составляющий расписание уборки на месяц вперед. Сергей, занимающийся спортом посреди гостиной. И оба — вечно спорящие из-за нее. Это был не бытовой коллапс. Это был апокалипсис.

— Так, — сказала Алиса, отпивая большой глоток чая, который уже успел остыть. — Не будем паниковать раньше времени. Скорее всего, все сработает как надо. Нужно просто переждать. Двадцать четыре часа. Сутки. Это не так уж

много.

— Это очень много, если учитывать, что мы будем в замкнутом пространстве с тобой, — заметил Дима.

— И друг с другом, — добавил Сергей, смерив Диму взглядом, полным превосходства. — Не знаю, как тебе, а мне этого очкарика хватит на час, не больше.

— А мне тебя, боюсь, хватит на пятнадцать минут, — парировал Дима. — Ты невыносим.

— Мальчики! — вмешалась Алиса, стукнув кружкой по столу. — Еще одно слово, и я возьму в руки что-нибудь тяжелое. У меня, между прочим, очень хорошо поставлен бросок сковородой!

Угроза возымела эффект. Дима и Сергей замолчали, обмениваясь испепеляющими взглядами. Алиса вздохнула. Ей нужно было срочно что-то предпринять. Какое-то занятие, которое отвлечет их от взаимной ненависти и даст ей самой передышку.

— Вот что, — сказала она. — Раз уж вы здесь, будет справедливо, если каждый из вас принесет хоть какую-то пользу. Дима, ты у нас любишь порядок. Отлично. Вот тебе кухня. Наведи порядок. Помой посуду. Разбери завалы. Сделай так, чтобы здесь можно было дышать.

Дима недоверчиво прищурился.

— Ты разрешаешь мне убирать? Без подвоха?

— Без подвоха, — кивнула Алиса. — Только не переставляй мои специи! Это принципиально.

Дима просиял так, словно ему подарили новую коллекцию линеек. Он немедленно подошел к мойке, закатал рукава свитера и включил воду. Алиса переключила внимание на Сергея.

— Ты же у нас сильный, да? — спросила она.

— Ну, в целом да, — самодовольно ответил Сергей. — А что нужно?

— Нужно вынести хлам из коридора. Там стоят коробки с вещами, которые я все никак не разберу. Старый велосипед, сломанный стул, мешки с одеждой для благотворительности. Вынеси все на лестничную клетку, а лучше — вниз, к мусорным контейнерам. Заодно проветришься.

Сергей скривился, но спорить не стал. Перспектива выйти на улицу, даже в чужом времени, его привлекала больше, чем перспектива сидеть на кухне под осуждающим взглядом Димы.

— Ладно, — согласился он. — Только дай мне что-нибудь типа перчаток. А то натру ладони.

— Перчатки в кладовке, — махнула рукой Алиса.

Сергей ушел в коридор, насвистывая какую-то мелодию. Дима уже орудовал губкой над раковиной, и его лицо выражало тихое, непередаваемое блаженство. Алиса на мгновение ощутила облегчение. Все-таки, когда они заняты делом, они не так опасны.

Она вернулась в спальню и остановилась перед открытой коробкой. Та стояла на полу, загадочная и манящая, как

шкатулка Пандоры. Внутри по-прежнему лежали зажигалка, половина магнитика, визитка барбера и, разумеется, связка ключей Ильи. Алиса взяла ключи в руки. Они были холодными и тяжелыми. Брелок в виде Эйфелевой башни поблескивал в свете лампы.

Илья. Илюша. Немного рассеянный, с мягкой улыбкой и вечной щетиной. Он был художником. Точнее, считал себя художником, но в основном подрабатывал курьером. Они расстались не из-за измен и не из-за скандалов. Просто в один день Илья понял, что «слишком тонкая душевная организация» мешает ему «строить прочный фундамент». Он оставил записку на зеркале — с невероятно красивым почерком и следами слез. Алиса тогда ревела неделю. А потом нашла у себя в ванной его ключи и долго крутила их в руках, не решаясь позвонить.

Она посмотрела на ключи, затем на записку. «Просьба не использовать одновременно более трех предметов». Одновременно. Значит, если сейчас их двое, то третий — это все еще разрешено. Правило не нарушается.

— Нет, — сказала сама себе Алиса. — Даже не думай. Один зануда и один качок — это уже слишком. Третий просто разрушит квартиру окончательно.

Но пальцы уже сжимали ключи. А где-то в глубине души, той самой, где жили одиночество и усталость от бесконечных неудач, шевелилась мысль: «А вдруг третий не будет таким невыносимым? Вдруг именно он поможет наладить хаос?»

Шницель, словно почувствовав опасные колебания хозяйки, подошел и потерся о ее ногу, оставляя на джинсах рыжую шерсть.

— Ты считаешь, не стоит? — спросила Алиса у кота.

Кот посмотрел на нее долгим взглядом, затем демонстративно сел спиной и начал вылизывать хвост. Это можно было истолковать как угодно.

В коридоре что-то загрохотало. Сергей, судя по всему, уронил велосипед. Дима что-то крикнул из кухни, но слов было не разобрать. Алиса снова перевела взгляд на ключи. Илья был самым уравновешенным из всех. Он мог бы стать буфером. Он мог бы поговорить с обоими, сгладить углы. И, в конце концов, он был самым симпатичным из всей троицы. С этим Алиса спорить не собиралась.

Она решительно сжала ключи. Пальцы сами собой начали поглаживать металлическую поверхность. Один круг. Второй. Третий.

Знакомый запах озона заполнил спальню. Свет мигнул, по углам заплясали тени. Шницель, который только что был рядом, снова сиганул под диван, издав трагическое «мя-я-я-у!», полное безысходности. Алиса отшатнулась, зажмурившись.

Когда она открыла глаза, в центре комнаты стоял Илья. В джинсовой куртке, с рюкзаком на плече, с мольбертом, который он держал в руках. На его лице читалось выражение человека, который только что отошел от кассы в супермар-

кете и вдруг понял, что забыл кошелек.

— О, — произнес он, оглядываясь. — Привет.

— Привет, — слабым голосом ответила Алиса.

— А я как раз шел с пленэра, — сообщил Илья, ставя мольберт к стене. — Рисовал закат на набережной. Правда, начался дождь, и все смазалось. Краски потекли, как мои слезы о несбыточной мечте. Но в этом, наверное, тоже есть своя эстетика, да?

Он улыбнулся. Алиса почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Илья был точь-в-точь такой, каким она его помнила: вихрастый, с умными глазами, полными той особой, чуть печальной мудрости.

— Илья, — сказала она, тщательно подбирая слова. — Ты не поверишь, но ты сейчас не на набережной. И не в том времени, в котором думаешь.

Илья посмотрел на нее, потом на мольберт, потом на шкаф, из которого все еще вываливались вещи, и нахмурился.

— Алиса, а почему у тебя такой... выразительный интерьер? Это новый арт-проект? Инсталляция на тему «Хаос повседневности»?

— Нет, это просто уборка, — честно призналась Алиса. — И я не знаю, как объяснить тебе все коротко.

— Так, — раздался голос из кухни. Дима появился в дверях с губкой в руке и в резиновых перчатках. Его лицо было покрыто мелкими капельками пота, но выглядел он счастли-

вым. — Алиса, у тебя нет средства для... — Он осекся, увидев Илью. — Еще один? Ты издеваешься?

— Я не специально, — пробормотала Алиса, краснея. — Оно само как-то.

Илья перевел взгляд с Димы на Алису, затем обратно.

— Я не понял, — сказал он. — А это кто? Твой новый? Алиса, ты могла бы предупредить. Я бы как-то подготовился. Ну, не знаю, стихотворение бы прочитал. Или нарисовал его в карикатурном виде.

— Я не новый, — холодно ответил Дима, снимая перчатки. — Я бывший. Как и ты, судя по всему.

— Бывший? — переспросил Илья. — А что, нас здесь собрание? Типа, клуб бывших парней Алисы?

Из коридора, тяжело дыша, вошел Сергей. Его футболка была мокрой, а на плече он нес сломанный стул.

— Так, все вынес, — сказал он, затем заметил Илью и замер. — А это что за хиппи?

Илья окинул Сергея долгим, изучающим взглядом.

— Это твой другой бывший? — спросил он у Алисы. — Судя по габаритам, он вкладывает все силы в тело, потому что на душу не хватает.

— Чего?! — возмутился Сергей, опуская стул с грохотом. — Ты на кого бычишь, мазила?

— Я не мазила, — обиделся Илья. — Я экспрессионист с элементами постмодерна. Если тебе непонятно, это не значит, что я плохой художник.

Дима, прислонившись к косяку, скрестил руки и скептически наблюдал за перепалкой. Алиса опустилась на край кровати, обхватив голову руками. Три бывших парня. Трое. В одной квартире. И каждый из них, судя по всему, имеет собственное мнение о том, как должна быть устроена жизнь.

— Так, — сказала она, не поднимая головы. — Заткнитесь все. Пожалуйста. Хотя бы на минуту.

В комнате повисла относительная тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Сергея и тихим ворчанием Шницеля из-под дивана.

— Я хочу, чтобы вы поняли одну простую вещь, — продолжила Алиса, медленно подняв взгляд. — Я не собиралась вызывать вас троих. Это произошло само. Я просто потеряла вещи. Сначала кружку, потом носок, потом ключи. Оно сработало. И вот вы здесь.

— То есть, — медленно произнес Илья, почесывая небритый подбородок, — мы — как джинны из бутылки?

— Нет, — вмешался Дима. — Джинны выполняют желания. От вас проку никакого.

— А ты, очкарик, вообще кто такой, чтобы оценивать мою полезность? — взвился Сергей.

— Хватит! — взвизгнула Алиса, вскакивая с кровати. — Мне нужно подумать! Вы можете просто... посидеть тихо? Или чем-нибудь заняться?

— Я могу нарисовать твой портрет, — предложил Илья, достав из рюкзака потрепанный блокнот. — Запечатлеть

твое состояние. В нем столько эмоций. Столько глубины. Столько...

— Не надо, — перебила Алиса. — Спасибо.

— А я могу составить меню на неделю, — предложил Дима. — Или спланировать расстановку мебели.

— А я могу отжаться, — вставил Сергей. — Для поддержания формы.

Алиса посмотрела на них по очереди. Затея с тем, чтобы занять их делом, провалилась. Потому что теперь их было трое, и их коллективная энергия, направленная на нее, была невыносимой. Ей нужно было бежать. Хотя бы на пару часов.

— Знаете что, — произнесла она, направляясь к выходу из спальни. — Мне нужно в магазин. За продуктами. Потому что вы, судя по всему, есть хотите. А я не собираюсь умирать с голоду из-за трех призраков. Я оставлю вас здесь. И, ради всего святого, не разнесите квартиру!

— А если мы разнесем? — весело спросил Сергей.

— Тогда я возьму сковороду. И не посмотрю, что вы из прошлого. Понятно?

Все трое переглянулись и, как ни странно, синхронно кивнули. Алиса схватила сумку, ключи от квартиры (настоящие, не те, что в коробке) и выскочила в коридор. Ей нужно было проветриться. Срочно.

За дверью она остановилась, прислонившись к стене, и сделала несколько глубоких вдохов. Сердце бешено колотилось. Двадцать четыре часа. Целые сутки с этими тремя. Это

не просто испытание. Это проверка на прочность, которую она, скорее всего, не пройдет.

Она спустилась по лестнице, вышла во двор. Прохладный воздух ударил в лицо, принося с собой запах мокрого асфальта и прелых листьев. Алиса пошла по тротуару, не разбирая дороги, и мысли ее метались, как перепуганные птицы.

Три бывших. Дима — воплощение порядка и предсказуемости. Сергей — сила, уверенность, но полное отсутствие такта. Илья — творчество, чувствительность, но абсолютная непригодность к жизни. Если бы можно было соединить их... Нет. Она запретила себе даже думать об этом.

Но навязчивая мысль, словно заноза, засела глубоко. «Идеальный мужчина». Она ведь когда-то, в минуты отчаяния, рисовала его в своем воображении: сильный, как Сергей, но заботливый. Организованный, как Дима, но не занудный. Творческий, как Илья, но способный зарабатывать деньги. А что, если судьба дает ей шанс не просто пережить этот хаос, а использовать его?

Алиса остановилась посреди улицы. Мимо проехала машина, обдав ее брызгами из лужи. Она не заметила. В голове складывалась безумная, авантюрная, абсолютно идиотская идея.

Она вернется домой. И, вместо того чтобы просто ждать исчезновения, она составит список. Список качеств, которые она хотела бы видеть в мужчине. И посмотрит, кто из

этих троих соответствует каждому пункту. Может, это и есть разгадка? Может, коробка была не случайностью, а руководством к действию?

— Ну и чушь, — пробормотала Алиса вслух, но ноги уже несли ее обратно к дому.

Когда она открыла дверь квартиры, первое, что она услышала, был грохот. Затем — звук бьющегося стекла. Затем — возмущенный вопль Димы и довольный смех Сергея.

Алиса влетела в гостиную и застыла на пороге. Картина маслом: Илья стоял на стремянке (откуда он ее взял?!) и пытался прибить к стене какую-то полку, которая, судя по всему, до этого мирно лежала в кладовке. Сергей держал стремянку, но при этом отжимался от пола свободной рукой. Дима руководил процессом, размахивая листком с какими-то чертежами. На полу валялась разбитая ваза — та самая, которую Алисе подарила бабушка.

— Что здесь происходит?! — заорала Алиса, бросая сумку на пол.

Трое замерли. Только Шницель, восседающий на книжной полке, невозмутимо облизнулся.

— Мы решили усовершенствовать пространство, — осторожно произнес Илья, спускаясь со стремянки. — Пространство твоей гостиной дышит дисгармонией. Ему нужен новый ритм. Новый виток эстетики.

— Мой бабушкин вазон! — завопила Алиса, указывая на осколки. — Вы его разбили!

— Это была небольшая жертва во имя функциональности, — заметил Дима, поправляя очки. — На этой полке прекрасно разместятся папки с твоими документами. Если ты, конечно, когда-нибудь начнешь их систематизировать.

— Я вас убью, — тихо, но очень убедительно произнесла Алиса.

Сергей, прекратив отжиматься, встал и подошел к ней.

— Алиса, послушай, — сказал он, улыбаясь своей обезоруживающей улыбкой. — Мы не хотели. Просто каждый из нас предложил свой вариант обустройства. Я, например, считаю, что здесь нужно больше свободного места для тренировок. Илья хочет мастерскую. Дима — кабинет. Мы поспорили.

— И поэтому вы разгромили мою квартиру? — не унималась Алиса.

— Ну, не совсем разгромили, — вставил Илья. — Скорее, переосмыслили.

Алиса закрыла глаза и досчитала до десяти. Потом до двадцати. Потом до пятидесяти. Когда она снова открыла их, перед ней по-прежнему стояли трое взрослых мужчин, виноватых и одновременно уверенных в собственной правоте.

— Так, — произнесла она ледяным тоном. — Я хочу, чтобы вы немедленно прекратили любые действия по улучшению, исправлению, переосмыслению и прочей ерунде. Вы садитесь. Все трое. И слушаете.

Она прошла на кухню, вернулась с блокнотом и ручкой,

и села в кресло, которое чудом уцелело в учиненном беспорядке. Мужчины, переглянувшись, расселись кто где: Дима на стул, Сергей на подлокотник дивана, Илья прямо на пол, скрестив ноги.

— Я много думала, — начала Алиса, чувствуя, как рука дрожит, но стараясь придать голосу уверенность. — О том, почему вы здесь. И я поняла. Это не случайность. Это шанс.

— Шанс на что? — подозрительно спросил Дима.

— На то, чтобы понять, каким должен быть идеальный мужчина, — ответила Алиса, и сама удивилась, как ровно прозвучала эта фраза.

Трое уставились на нее. На их лицах отразилась сложная гамма чувств: от скептицизма до любопытства.

— Ты хочешь выбрать одного из нас? — уточнил Сергей, поигрывая мышцами.

— Нет, — покачала головой Алиса. — Я хочу понять, какие ваши качества я могу... использовать. Для создания образа. Своего рода... франкенштейн, но в хорошем смысле.

— Франкенштейн? — переспросил Илья, и в его глазах мелькнул восторг. — Это же метафора! Это же гениально! Собрать из осколков нечто новое, целостное!

— Это бред, — отрезал Дима. — Ты предлагаешь нам участвовать в каком-то безумном эксперименте по выведению идеального партнера? Алиса, это не рационально.

— А что здесь рационально? — возразила Алиса. — Вы трое призраков из моего прошлого стоите в моей гостиной.

Рациональность закончилась в тот момент, когда я потеряла носок.

Сергей задумчиво почесал подбородок.

— А что нам за это будет? — спросил он.

— Ничего, — ответила Алиса. — Кроме, разве что, благодарности и, возможно, того, что вы не исчезнете, а вернетесь домой с чистой совестью.

— А если я хочу остаться? — тихо спросил Илья.

В комнате снова повисла тишина. Алиса почувствовала, как ее щеки заливают румянец. Она не ожидала такого вопроса. И, если честно, не знала, как на него ответить.

— Посмотрим, — уклончиво произнесла она. — Для начала давайте просто... поговорим. Составим список. И посмотрим, кто из вас чем полезен.

Дима скептически хмыкнул, но промолчал. Сергей пожал плечами, мол, хуже не будет. Илья улыбнулся, достал из рюкзака карандаш и принялся крутить его в пальцах.

Алиса раскрыла блокнот и написала на первой странице крупными буквами: «Инструкция по применению бывшего». Пункт первый: определить сильные стороны каждого».

— Ну что ж, — произнесла она, поднимая взгляд. — Начнем с тебя, Дима. Чем ты можешь быть полезен в гипотетических отношениях?

Дима выпрямился, как солдат перед генералом.

— Я обеспечиваю стабильность, — начал он, чеканя слова. — Я планирую бюджет, веду учет расходов, поддерживаю

порядок в доме. Со мной не будет неожиданных сюрпризов, но будет уверенность в завтрашнем дне. Я надежен.

Сергей фыркнул.

— Скукота, — прокомментировал он.

— Надежность — это не скучно, — возразил Дима. — Это базис. На нем строится все остальное.

— Ладно, — Алиса записала: «Дима — стабильность, порядок, бюджет». — Теперь ты, Сергей.

Сергей встал, потянулся, демонстрируя свое великолепное тело.

— Я страсть, — объявил он. — Энергия. Со мной не заскучаешь. Я могу починить что угодно, достать что угодно, договориться с кем угодно. Плюс, я в отличной форме. С таким парнем не стыдно выйти в свет.

— Починить что угодно, — повторила Алиса, записывая. — Это полезно.

— Он и сломал больше, чем починил, — вставил Дима.

— Завидуешь, — парировал Сергей.

Алиса перевела взгляд на Илью.

— Ну а ты?

Илья улыбнулся, и в его глазах заплясали искорки вдохновения.

— Я могу показать тебе красоту в каждом мгновении, — сказал он. — Со мной ты будешь чувствовать. Я умею слушать. Понимать без слов. Создавать настроение. Разве это не важно?

Сергей снова фыркнул, но уже тише. Дима лишь покачал головой.

Алиса записала: «Илья — чувства, красота, понимание». Она отложила ручку и посмотрела на троих.

— Значит, если сложить вас вместе, получится кто-то очень... сбалансированный. Теперь давайте определим ваши слабые стороны.

— Зачем? — нахмурился Сергей.

— Чтобы понять, чего в идеальном мужчине быть не должно, — ответила Алиса.

Этот разговор обещал быть долгим. Очень долгим. И, судя по выражениям лиц, он мог в любой момент перерасти в новую перепалку. Но Алиса, впервые за все время, почувствовала, что ситуация начинает поддаваться контролю. Пусть даже иллюзорному.

Где-то в глубине квартиры снова что-то звякнуло. Шницель издал нервный вопль. Алиса вздохнула и подумала, что, возможно, составление инструкции — единственный способ не сойти с ума.

Она повернула страницу и написала: «Пункт второй: выявить несовместимые дефекты». И посмотрела на троих с выражением женщины, которая уже ничему не удивляется.

Глава 3. Испытание первое: Кухня как поле битвы

Утренний свет, пробиваясь сквозь немытые окна кухни, ложился на стол длинными пыльными полосами. Алиса сидела над своим блокнотом, в котором уже появилось несколько страниц, исписанных ее нервным, размашистым почерком. Три ее бывших, расположившихся в разных концах кухни, напоминали заключенных, ожидающих приговора. Дима, выпрямившись, сложил руки перед собой, словно на деловых переговорах. Сергей, развалившись на табурете, поигрывал мускулами и периодически кидал взгляды на холодильник, который, несмотря на вчерашний рейд, снова казался пустым. Илья сидел на подоконнике, обхватив колени, и рисовал что-то в своем блокноте — судя по едва заметной улыбке, ничего конструктивного.

— Итак, — торжественно произнесла Алиса, стукнув ручкой по столу. — Мы выяснили ваши сильные и слабые стороны. Теперь, согласно моей инструкции, необходим первый практический этап.

— И что это за этап? — осторожно спросил Дима. — Я надеюсь, он не подразумевает разрушение мебели?

— Разрушение мебели — это скорее профиль Сергея, — не удержалась Алиса.

— Эй! — возмутился Сергей, выпрямляясь. — Я вообще-то чинил стремянку! И эта полка сама была кривая!

— Полка была не кривая! — вспыхнул Дима. — Ты не умеешь пользоваться уровнем! Я предлагал измерить все дважды, а ты начал сверлить на глаз!

— У меня отличный глаз, — заявил Сергей. — Лучше, чем твой уровень!

— Успокоились оба, — вмешалась Алиса, потирая виски. — Я не собираюсь возвращаться к вчерашнему спору. Все уже произошло. Вазу не вернуть, полку не спасти. Давайте сосредоточимся на настоящем.

Илья, не поднимая головы от блокнота, тихо спросил:

— Алиса, а ты не думала о том, что разрушение вазы — это, возможно, символ? Символ разрушения твоего прошлого ради рождения нового, более гармоничного пространства?

— Я думала только о том, что эта ваза была единственной вещью от бабушки, которая мне действительно нравилась, — сухо ответила Алиса.

Илья смущенно замолчал и вернулся к рисунку.

Алиса открыла блокнот на странице, где было написано: «Пункт третий: практическое испытание в бытовых условиях».

— Для начала, — сказала она, — каждый из вас покажет, на что он способен в самой важной сфере совместной жизни. В кулинарии.

Дима поправил очки, в его глазах зажегся огонек азарта.

— Рационально, — одобрил он. — Кулинария — это основа быта. Без качественного питания невозможна продуктивная жизнь.

— О, я умею готовить! — оживился Сергей. — Могу забавлять такую яичницу с беконом, что ты пальчики оближешь! Плюс протеиновый коктейль. Здоровое питание — залог красивого тела.

— Яичница — это не кулинария, — презрительно бросил Дима. — Это примитивный разогрев белков. Вот, например, суп-пюре из тыквы с имбирем и сливками требует и техники, и понимания баланса вкусов.

— Фу, тыква, — скривился Сергей. — Еда для козлов.

— Ты сейчас себя описал? — Дима приподнял бровь.

— Ах ты...

— Прекратите! — Алиса хлопнула ладонью по столу. Шницель, дремавший на холодильнике, подпрыгнул и чуть не свалился. — Никто не будет готовить тыкву. Никто не будет готовить яичницу. Испытание будет нейтральным. Каждый из вас должен приготовить одно блюдо, используя только то, что есть в этом доме. Никаких походов в магазин. Это проверит вашу находчивость и способность адаптироваться к обстоятельствам.

— А что у нас есть? — спросил Илья, откладывая блокнот. — Судя по вчерашним раскопкам, ничего.

— Именно поэтому будет интересно, — улыбнулась Али-

са. В ее улыбке было что-то зловещее. — Итак, правила таковы: каждый выбирает блюдо, готовит его полностью самостоятельно, накрывает на стол. Я пробую все три иставляю оценки по трем критериям: вкус, подача и оригинальность. Победитель получает... — она задумалась. — Получает право первым высказать свое мнение о том, каким должен быть идеальный мужчина.

— И это все? — разочарованно протянул Сергей.

— Это первый раунд, — пояснила Алиса. — Дальше будут другие испытания. Тот, кто в итоге наберет больше баллов... — она сделала паузу, — станет кандидатом на включение в финальную версию. Своего рода «лучший из лучших».

— Ты серьезно собираешься нас оценивать? — Дима нахмурился. — Мы не товары на витрине.

— А вы кто? — парировала Алиса. — Вы сами материализовались из моих вещей. У меня нет ни инструкции, ни гарантий, ни здравого смысла, который мог бы объяснить это. Поэтому да, я буду вас оценивать. И если кого-то не устраивает — милости прошу обратно в кружку, носок или куда там вас поместили.

Мужчины переглянулись. Никто не сдвинулся с места.

— Отлично, — заключила Алиса. — Тогда за дело. Илья, тебе первому. Что будешь готовить?

Илья почесал затылок, оглядывая кухню. Его взгляд скользнул по полупустой банке с маринованными огурцами, по упаковке яиц, по пакету с засохшей гречкой, выглядыва-

ющему из-за жестяной банки с чаем.

— Я сделаю... — он задумался, — я сделаю омлет с маринованными огурцами и гречкой. Это будет смелое гастрономическое высказывание о противоречивости бытия.

— Это будет несъедобно, — заметил Дима.

— Это будет оригинально, — возразил Илья. — В конце концов, искусство не обязано быть вкусным. Оно обязано вызывать эмоции.

Алиса вздохнула.

— Ладно, приступай. Только, умоляю, не подожги квартиру.

Илья поднялся, потянулся, как кот, и направился к плите. Его движения были плавными, почти танцевальными. Он включил конфорку, поставил сковороду, и в кухне сразу запахло газом и чем-то, что обычно предшествует катастрофе. Алиса с тревогой наблюдала, как он разбивает яйца в миску, не заметив, что одно из них протухло. Желток растекся мутной, подозрительной лужицей.

— Илюш, — осторожно произнесла Алиса, — а ты яйца проверял?

— А зачем? — искренне удивился Илья. — Яйца — они как люди: иногда внутри бывает темно, но это не значит, что они плохие.

— О боже, — тихо пробормотал Дима, закрывая лицо ладонью.

Сергей громко заржал.

— Чувак, ты их в воду опусти! Если всплыло — значит, тухлое! Элементарно!

— Значит, это яйцо просто имело другую плотность, — невозмутимо ответил Илья, выливая смесь на сковороду. — И вообще, высокая температура обеззараживает.

Алиса поняла, что лучше не смотреть. Она перевела взгляд на Сергея.

— Пока он творит, скажи, что собираешься делать ты.

Сергей с готовностью вскочил.

— Я сделаю блюдо силы! — объявил он. — Жареную куриную грудку с травами и чесночным соусом! Это питательно, полезно и очень мужественно!

— Куриную грудку? — переспросил Дима. — У нас нет курицы.

— Как нет? — Сергей застыл. — А что есть?

— Гречка. Яйца. Маринованные огурцы. Засохший сыр. И, возможно, в морозилке лежит что-то, похожее на котлеты, но не факт.

Сергей решительно открыл морозилку. Из нее вывалился пакет с замороженным горошком и одинокий пельмень, покрытый инеем. Он встряхнул пакет, задумчиво посмотрел на Алису.

— А если я сделаю пельмень в горошке? Это же практически здоровое питание! Горошек — овощи, пельмень — белок и углеводы!

— Пельмень один, — заметила Алиса.

— Значит, будет мини-порция. Изысканно. По-европейски.

Дима скептически хмыкнул, но промолчал. Алиса записала в блокноте: «Сергей — кулинарный минимализм. Илья — авангардная кухня».

— А ты, Дима, что будешь готовить? — спросила она.

Дима встал, одернул свитер и подошел к шкафчикам. Открыл один, второй, третий. Его лицо оставалось бесстрастным, но в движениях появилась та особая методичность, которая обычно предшествует гениальным решениям.

— Насколько я вижу, — произнес он, — у нас есть гречка, лук, возможно, немного сливочного масла в холодильнике, и те самые огурцы. Я приготовлю гречневую кашу с карамелизированным луком и маринованным огурцом в качестве акцента. Просто, питательно, сбалансировано. А из оставшейся жидкости от огурцов можно сделать основу для соуса.

— Огуречный рассол как соус? — сморщился Сергей. — Ты серьезно?

— Это ферментированный продукт. Содержит полезные бактерии. И, в отличие от твоего одинокого пельменя, это можно есть без слез.

— Ну-ну, посмотрим, как ты заплачешь, когда Алиса берет мой пельмень!

Алиса сделала пометку: «Дима — практичность, но занудство в стиле "высокой кухни"».

Кухня наполнилась запахами. Илья, стоя у плиты, задум-

чиво помешивал свой омлет, который начал подозрительно темнеть по краям. Он что-то напевал себе под нос, и по его лицу было видно, что он находится где-то далеко, в мире образов и вдохновения. Сковорода тихо шипела, масло стреляло, а одинокая капля подгоревшего яйца упала на пол. Шницель, привлеченный запахом, подкрался ближе, но, унюхав аромат протухшего ингредиента, с возмущенным фырканьем ретировался.

Сергей возился с пельменем, пытаясь придать ему более-менее презентабельный вид. Он выложил его на тарелку, окружил горошком, как драгоценный камень, и попытался нарисовать соусом из майонеза какую-то фигуру. Получилось нечто среднее между цветком и кляксой.

— Что это? — спросила Алиса, подойдя ближе.

— Это сердце, — гордо заявил Сергей. — Я вложил в блюдо эмоцию.

— Похоже на бракованную молекулу, — вставил Дима, не отрываясь от нарезки лука.

— Ты просто завидуешь, потому что у тебя не хватает фантазии на такое!

Дима ничего не ответил. Он сосредоточенно шинковал лук, и его движения были четкими, почти хирургическими. На сковороде уже таяло масло, и кухня наполнялась сладковатым, домашним ароматом. Алиса невольно почувствовала, как у нее текут слюнки. Дима готовил с той же педантичностью, с какой делал все остальное. И, надо признать, по-

лучалось у него неплохо.

Через полчаса все трое выстроились перед Алисой со своими творениями. Илья держал тарелку, на которой возвышался омлет странной формы, напоминающей карту неизвестного континента. Поверх омлета были разложены кружочки маринованных огурцов, присыпанные гречкой, как драгоценными камнями. Выглядело это одновременно отвратительно и завораживающе.

Сергей торжественно поставил перед Алисой свою тарелку с одиноким пельменем. Тот, скукоженный, в окружении горошка, смотрелся сиротливо и жалко, но Сергей явно гордился своим творением.

Дима, не суетясь, пододвинул свою порцию: аккуратная горка гречки, поверх которой лежала блестящая корочка карамелизированного лука, а сбоку — тонко нарезанный маринованный огурец. Выглядело это почти ресторанно.

— Ну-с, — произнесла Алиса, беря вилку. — Начнем.

Она потянулась к омлету Ильи. Илья смотрел на нее с надеждой, его глаза сияли.

— Попробуй, — прошептал он. — В этом блюде вся моя душа.

Алиса отрезала небольшой кусочек и осторожно положила в рот. Вкус был... необычный. Сначала она почувствовала горечь подгоревшего масла, затем — яркий, химический привкус тухлого яйца, который перебил все остальное. Маринованный огурец добавил кислоты, а гречка неожидан-

но захрустела, потому что Илья, видимо, забыл ее промыть. Алиса с огромным трудом проглотила это, стараясь не выдать эмоций.

— Ну? — спросил Илья.

— Это... смело, — выдавила Алиса, запивая водой.

— Я знал! — просиял Илья. — Смелость — главное в искусстве!

Алиса перевела дыхание и посмотрела на тарелку Сергея.

— Ну, пельмень испортить сложно, — пробормотала она, накалывая его вилкой.

Она откусила половину. Пельмень был холодным внутри, потому что Сергей забыл его разморозить, а снаружи — обугленным. Вкус горошка не спасал ситуацию. Майонезный узор придавал всему этому странный сливочный оттенок, который никак не сочетался с подгоревшим тестом. Алиса застыла с полным ртом, не зная, жевать или выплюнуть.

— Мощно, да? — спросил Сергей, поигрывая бицепсами.

— Сразу чувствуется сила.

— Да, — прошептала Алиса, с трудом прожевывая. — Сила... очень.

Наконец она перешла к тарелке Димы. Выглядела она наиболее адекватно. Алиса зачерпнула ложкой гречку с луком и отправила в рот. Вкус был... нормальный. Действительно нормальный. Даже приятный. Лук карамелизировался, гречка была рассыпчатой, масло давало мягкость. Огурец добавлял кислинку. Это было единственное блюдо, которое мож-

но было есть без слез и без опасений за свой желудок.

— Очень вкусно, — сказала Алиса, не скрывая облегчения. — Правда.

Дима скромно кивнул.

— Я всего лишь следовал технологии.

— Технология — это скучно, — фыркнул Сергей.

— Зато не отравишься, — парировал Дима.

Илья, расстроенный, заглянул в тарелку Алисы.

— А мой омлет? Ты его не доела.

— Я оставлю на потом, — быстро ответила Алиса. — Вдруг ночью захочу чего-нибудь... впечатляющего.

Илья, кажется, поверил. Или сделал вид, что поверил.

Алиса раскрыла блокнот и начала выставять оценки.

— Итак, по критериям. Вкус: Дима — девять баллов. Сергей — три. Илья — один.

— Один? — ахнул Илья. — Но это же был гастрономический перформанс!

— Это был риск для жизни, — ответила Алиса. — Один балл за то, что я выжила.

Сергей, получивший три балла, надулся.

— А за что мне три? Пельмень был нормальный!

— Он был холодный внутри и горелый снаружи.

— Это контраст! Горячее и холодное! Изысканно!

Алиса не стала спорить.

— Подача: Дима — восемь. Сергей — пять, за попытку изобразить сердце. Илья — семь, за концептуальность, но

внешний вид вызывал вопросы.

— Я бы дал ему два, — проворчал Дима.

— Ты не судья, — напомнила Алиса.

— Оригинальность: Илья — десять. Сергей — шесть. Дима — пять.

— Почему у меня пять?! — возмутился Дима. — Гречка с луком — это классика!

— Именно потому и пять, — пояснила Алиса. — Оригинальность — не твой конек.

Илья торжествующе улыбнулся. Сергей, глядя на него, скривился.

— Итого, — Алиса быстро складывала цифры. — Дима — двадцать два балла. Илья — восемнадцать. Сергей — четырнадцать.

Сергей вскочил.

— Это нечестно! — заявил он. — Ты занизила мои баллы, потому что я тебя раздражаю!

— Я выставила объективные оценки, — ответила Алиса. — И, между прочим, раздражаешь ты меня не меньше, чем Дима, а он набрал больше.

— Это потому что он тебе подлизался своей гречкой!

— Это потому что его еду можно есть без страха за жизнь, — терпеливо повторила Алиса.

Илья, который уже забыл про свой провал, что-то рисовал в блокноте, улыбаясь своим мыслям. Его не волновали баллы — его волновал процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.